

законодательное закрепление первой, дающее простор для иного толкования правоприменителями, представляется неразумным.

Считаем, что общественная опасность – это указатель законодателя для криминализации или декриминализации соответствующего деяния. Однако в ее присутствии в качестве законодательного признака преступления нет необходимости ввиду ее оценочного характера. Только законодатель может оценить общественную опасность деяния. Но все-таки нельзя не указать на то, что любое деяние можно признать общественно опасным по той причине, что нанесение вреда общественным отношениям, не порицаемым государством, есть покушение на устои общества, а это представляет опасность нормальному функционированию общества и, соответственно, общественно опасно. Таким образом, возникает вопрос: столь необходимо ли законодательное закрепление общественной опасности как признака преступления?

Подводя итог, следует указать, что нами не отрицается тот факт, что общественная опасность – это признак преступного деяния. Однако считаем неразумным законодательное закрепление общественной опасности как признака преступления ввиду невозможности ее единого толкования как категории закона. Толкователем общественной опасности деяния должен быть только законодатель, криминализирующий деяния. Тем самым общественная опасность деяния олицетворяется в противоправности преступления.

Виноградова Е. С.

ОБ ОСНОВАНИЯХ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БОТНЕТА В ПРЕСТУПНЫХ ЦЕЛЯХ

*Виноградова Екатерина Сергеевна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
ekatirina.vinogradova12@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шидловский А. В.

Новые мировые тенденции, обусловленные уменьшением значения географических границ государств и национальной принадлежности личности, свидетельствуют о выходе развития информационных технологий на новый уровень. Информационно-коммуникационные технологии ежедневно совершенствуются, что выражается в появлении новых видов и способов совершения киберпреступлений. Одним из таких деяний, представляющим общественную опасность, является создание, использование и распространение в киберпространстве «ботнетов».

В белорусском уголовном законодательстве, да и в законодательстве в целом, не закреплено понятия «ботнет». Однако на международном уровне была попытка дать полное определение данного понятия. Так, в Рекомендательных типологиях новых преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, утвержденных постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества

Независимых Государств от 27 ноября 2020 г. № 51-24 закреплено, что бот-сеть, или ботнет, – компьютерная сеть, состоящая из некоторого количества хостов с запущенными ботами (автономным программным обеспечением). Чаще всего бот в составе ботнета является программой, скрытно устанавливаемой на устройство жертвы и позволяющей злоумышленнику выполнять определенные действия с использованием ресурсов зараженного компьютера. Иными словами, ботнет представляет собой сеть устройств, зараженных вредоносной программой, благодаря которой киберпреступники получают доступ к этим устройствам. Попытки определения данного понятия на международном уровне подтверждают актуальность данной проблемы не только для конкретного государства.

Благодаря ботнету, киберпреступнику предоставляется возможность дистанционно управлять «инфицированными» устройствами без уведомления об этом пользователя. «Зараженные» устройства используются киберпреступником в различных целях: в целях кибершантажа, вишинга, фишинга, получения анонимного доступа в сеть Интернет, а также для совершения иных противоправных действий. Как правило, используя бот-сеть в преступных целях, лицо преследует корыстную цель.

Ботнет как компьютерная сеть может приобретать внушительные размеры, включая доступ к сотням тысяч устройств. В мировой практике есть примеры, когда преступники создали ботнет, который включал в себя более 4 миллионов устройств, находившихся в различных 100 странах.

В Республике Беларусь судебная практика по уголовным делам о преступлениях, направленных против компьютерной безопасности, да и в целом в сфере киберпреступлений с применением ботнетов отсутствует на данный момент. Однако данный факт не свидетельствует об отсутствии проблемы использования бот-сети в преступных целях. Отсутствие судебной практики по данным делам объясняется высокотехнологичным, трансграничным и высоколатентным характером преступлений, совершаемых с использованием ботнетов. Стоит понимать, что особенности таких преступлений осложняют возможность эффективного и своевременного их выявления, расследования и в конечном итоге раскрытия.

Многофункциональность ботнетов, возможность причинения значительного материального ущерба как пользователям «инфицированных» устройств, так и третьим лицам, организациям, органам власти, свидетельствует об повышенной опасности их создания, использования и распространения на просторах киберпространства.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь предусмотрена ответственность за разработку, использование, распространение либо сбыт вредоносных компьютерных программ или специальных программных или аппаратных средств (ст. 354), однако данная норма не охватывает состав рассматриваемого нами деяния. Вредоносная программа «бот» используется только на этапе «инфицирования» устройств и создания бот-сети. После проведения данных операций, киберпреступник получает неправомерный доступ и возможность управления устройствами, входящими в бот-сеть. При

этом в последующем киберпреступником используется уже не сама вредоносная программа, т.е. бот, а содержимое (технические и информационные ресурсы) «зараженных» устройств, что не предусматривает диспозиция ст. 354 Уголовного кодекса.

Таким образом, мы можем говорить о самостоятельности и необходимости криминализации такого преступного деяния, как создание, использование и распространение ботнетов с целью совершения иных преступлений.

Гапанович А. Г.

СТАТЬЯ 130 УК РФ: ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ И СПОРНЫЕ МОМЕНТЫ

Гапанович Арина Геннадьевна, студентка 3 курса Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Вологда, Вологодская область, Россия, arinka2127@yandex.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Красильникова Е. В.

До 2011 г. оскорбление в России считалось преступлением против чести и достоинства личности. Однако, Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» законодатель декриминализировал данное деяние, переведя его под действие ст. 5.61 «Оскорбление» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). При этом «специальные» виды оскорбления остались в числе преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ). В частности, это оскорбление судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия (ст. 297 УК РФ), оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ), оскорбление военнослужащего (ст. 336 УК РФ).

Если проанализировать диспозиции утратившей силу ст. 130 УК РФ и действующей ст. 5.61 КоАП РФ, можно заметить, что законодатель сохранил в первых двух частях ст. 5.61 КоАП РФ признаки деяния из ст. 130 УК РФ и ввел новые признаки правонарушения в частях с третьей по пятую.

Считается, что ранее действующая норма об оскорблении личности была весьма жестокой, хотя само по себе преступление не несет большой опасности для людей, в связи с чем практически не возникало необходимости изолировать виновного от общества. К уголовной ответственности привлекались также лица, которые не имели намерений оскорбить другого человека. При доказывании вины в суде возникали сложности. Для этого требовались свидетельские показания или иное подтверждение факта оскорбления. Необходимо было доказать умысел виновного лица, который хотел именно оскорбить другого человека, а не просто высказать свое мнение.

В результате в судебной практике практически не встречалось случаев принятия судом решения по фактам собственно оскорбления. Так, согласно данным судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде